

Барометр витальности карельского языка

Vitality barometer of the Karelian language. This article presents a description of the current state of the de facto minority language - Karelian. The author refers to the census materials of 2002 and 2010, regulatory and policy documents that have confirmed the provisions of the Karelian language, and the results of the international research project on multilingualism in Europe - ELDIA, including the position of the Karelian language in Russia.

Языковые проблемы карел, вепсов и финнов существовали – в скрытой или явной форме – в Республике Карелия всегда, но за последние два десятилетия приобрели наибольшую остроту и открытую дискуссионность [3, с. 9]. Одно из центральных мест занимает вопрос о сохранении языков.

На карельском говорят в основном в Республике Карелия, в меньшей степени – в Тверской области и в Финляндии. По данным Всероссийской переписи населения 2010 года, число носителей карельского языка составило 25 600 человек, в то время как число этнических карел было 60 815 человек [7]. Численность карел в российских переписях снижается, начиная с переписи 1939 года. Она значительно сократилась за последние 20 лет, намного быстрее, чем демографические изменения населения в целом.

Таблица 1

Карелы, вепсы и финны в России по данным переписей населения 1926 – 2002 годов [2]

Народы	1926	1939	1959	1970	1979	1989	2002
	<i>тысяч человек</i>					<i>человек</i>	
Все население	100623	108262	117534	130079	137410	147022000	145164918
Русские	74072	89740	97864	107748	113522	119866000	115868486
Вепсы	33	31	16	8,1	7,6	1214	8284
Карелы	248	250	164	141	133	124921	93240
Финны	134	139	72	62	56	47102	33947

Наблюдается языковой сдвиг с карельско-русского двуязычия к русскому монолингвизму, одной из причин которого является *низкий престиж* карельского языка. В 1930-х годах он был стандартизирован и сделан вторым официальным языком в Республике Карелия (помимо русского). Однако это состояние дел продолжалось только до 1940 года. После Второй мировой активно продвигался русский язык, и только в годы перестройки карельский снова используется в письменной форме. Карельский также затмевается более престижным финским языком. Развитие тесных связей республики с Финляндией способствовало росту интереса к финскому языку со стороны представителей бизнеса, государственных служащих. Финский язык ежедневно звучит в эфире республиканского телевидения и радио, с театральной сцены; он занимает уверенные позиции в сфере высшего образования – в качестве основной специализации его учат около 200 студентов Петрозаводского государственного университета, в качестве дополнительной финский язык преподается на историческом и филологическом факультетах, на кафедре туризма, действуют языковые курсы и образовательные программы.

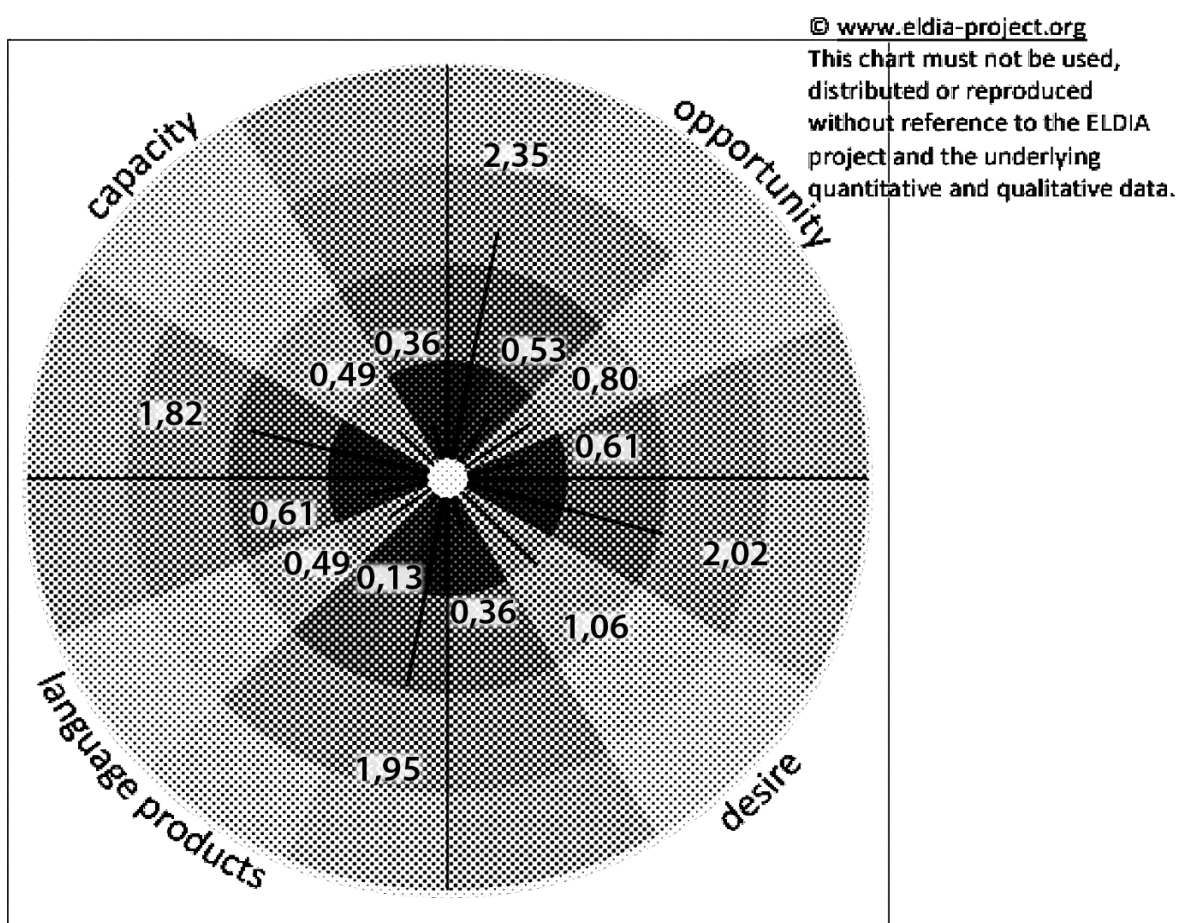
На бумаге нынешняя официальная языковая идеология республики способствует языковому плюрализму [8, р. 34]. Несмотря на свою роль титульного языка Республики Карелия, карельский язык не приобрел статус государственного языка, и до сих пор нет реального закона о языке в Республике Карелия. Наиболее *близким аналогом* является Закон о государственной поддержке карельского, вепского и финского языков в Республике Карелия, который был принят в марте 2004 года. Он имеет более узкий охват, чем законы о языках других республик, но создает возможности для использования карельского языка в публичной сфере. Республиканский закон об образовании (18 января 1994 г.) и Закон о культуре (24 января 1995 г.) регулируют использование карельского языка путем создания условий для карел, с тем чтобы гарантировать им право на получение общего образования на карельском языке. Тем не менее следует отметить, что имплементация этих законов неадекватна и часто зависит от мотивации местных чиновников, оставляя *многоязычие на символическом уровне* [9, р. 93]. Фактическое использование карельского в об-

ществе крайне ограничено. Доминантными сферами для карельского языка можно считать сферы образования, СМИ и художественной литературы, хотя во всех этих сферах карельский язык софункционирует с русским языком с явным преобладанием коммуникативной мощности последнего [4, с. 269-270].

В октябре 2017 года ЮНЕСКО внесло изменения в «Атлас языков мира, находящихся под угрозой исчезновения» – три диалекта карельского языка (собственно карельский, ливвиковский и людиковский) и вепсский язык были включены в лингвистическую «Красную книгу» специализированного учреждения ООН [5, 6].

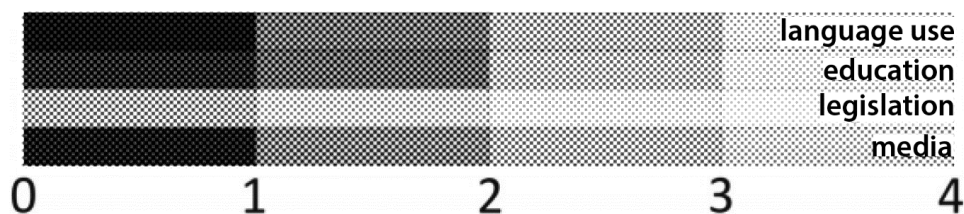
В 2013 году исследовательский консорциум ELDIA – European Language Diversity for ALL – издал доклад, посвященный карельскому языку в России. Олонецкий (ливвиковский) диалект карельского языка наряду с другими его диалектами определяется как язык, находящийся *под серьёзной угрозой* [8, р. 179]. Основные выводы исследования проанализированы и обобщены с точки зрения четырёх фокус-областей – способность, возможность, желание и языковые продукты. Барометр витальности карельского языка в России визуально представлен на диаграмме-радаре ниже.

Диаграмма 1.
Барометр витальности олонецкого карельского языка в России

Четыре различных цвета используются для описания четырех измерений: использование языка и взаимодействие, образование, законодательство и СМИ (медиа). Обратите внимание, что только три измерения (не образование) находятся в квадрантах «способность» и «желание». Поскольку некоторые значения оказались очень низкими, чтобы улучшить читабельность графиков, было решено начинать линии с внутреннего круга вместо центра.

Нижеследующая легенда показывает цвета, используемые для каждого измерения, и цвета, используемые для степени того или иного измерения.

Как показывает барометр, значение различных измерений четырех фокус-областей никогда не превышают значения 3 (что отражало бы более безопасный уровень поддержки миноритарного языка и его статус в обществе).

Область использования языка и взаимодействия является самой vitalной из всех фокус-областей, что подчеркивает тот факт, что социетальная поддержка олонецкого карельского в сфере законодательства, образования или (поддерживаемых государством) СМИ очень слаба.

Ситуация вокруг карельского языка – это повод задуматься над тем, что доминирующие этатистские и нормативистские представления о языковой политике, в том числе в отношении *де факто* миноритарных языков, недостаточно эффективны. Сохранение, изучение и развитие малых языков требуют целенаправленных, научно-обоснованных, системных действий не только со стороны федеральных и региональных властей, но и сетевых структур, включая комплекс мер, связанных с повышением социального престижа языков.

Литература

1. Итоги Всероссийской переписи населения 2002 г. [Электронный ресурс]. Т. 4. <http://www.perepis2002.ru/index.html?id=17>.
2. Карелы, вепсы и финны в России по данным переписей населения 1926 – 2002 годов. Официальный интернет-портал Республики Карелия // http://www.gov.karelia.ru/Power/Committee/National/karel_tab2.html. - Дата обращения: 19.03.2019 г.
3. Карелы: модели языковой мобилизации. Сборник материалов и документов / Сост.: В.Н. Бирин, Е.И. Клементьев, А.А. Кожанов. – Петрозаводск: КНЦ РАН, 2005.
4. Кондрашкина Е.А. Языковая ситуация в Республике Карелия // Решение национально-языковых вопросов как фактор укрепления национальной безопасности России. – М.: Азбуковник, 2017. – С. 263-271.
5. Нечаева А. Поможет ли карельский язык остановить финскую экспансию? // <https://regnum.ru/news/society/2132060.html>. - Дата обращения: 10.05.2018.
6. Новиков В. Финская языковая экспансия в Карелии: под завесой «угрозы русификации» // <https://regnum.ru/news/society/2009230.html>. - Дата обращения: 11.05.2018.
7. Окончательные итоги Всероссийской переписи населения 2010 г. [Электронный ресурс] // Росстат [официальный сайт]. Т. 4. http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm.
8. Karjalainen H., Puura U., Grünthal R., Kovaleva S. Karelian in Russia // Studies in European Language Diversity 26.ELDIA. – Germany, Mainz, 2013. – 269 p.
9. Tanczos O.M. Representations of Karelians and the Karelian language in Karelian and Russian local newspapers // Journal of Estonian and Finno-Ugric Linguistics. – 2015. – vol.6, no. 1. – P. 91-110.